

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ВЯЗОВСКИЙ

ВОЙНА КНЯЗЕЙ.
ВЛАСТЕЛИН
ОГНЯ

РОМАН

Москва, 2019
ЭАРМАДА
&
«Издательство А.Л.Ф.А-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В99

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1144

Художник
И. Воронин

Вязовский А. В.

В99 **Война князей. Властелин Огня: Фантастический роман.** — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 281 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2815-1

Огонь — жестокая стихия, забирающая порой людские жизни. Кому, как не Артему Федорову, пожарному со стажем, знать об этом. Ведь он сам погиб в пламени, спасая чужие жизни. Погиб, чтобы воскреснуть в новом мире и получить шанс прожить жизнь заново.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Вязовский А. В., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2815-1

ГЛАВА 1

Звонок о возгорании в Доме на Набережной поступил к нам на пульт в двенадцать десять. Уже через четыре минуты обе дежурные машины выскочили из депо и помчались по Знаменке в сторону Большого Каменного моста. Водители, слышав вой сирен, тревожно оборачивались и послушно уступали дорогу. Проскочив на красный свет оживленный перекресток и Москву-реку, мы завернули во двор. Тут уже толпились сотни растерянных, паникующих людей. Я окинул взглядом знакомый дом. Первый советский правительственный жилой комплекс. Огромный, двенадцатиэтажный, с двумя широкими «крыльями». Выкрашен в унылый серый цвет. Кто тут только не жил за долгие годы — члены ЦК, сотрудники НКВД, деятели культуры... Вон вся стена увешана памятными досками.

Дым валит из распахнутых окон правого крыла, так что даже солнца не было видно. Ну молодцы: пустили кислород. Они бы еще бензина плеснули в пламя.

Напарник мой, Витя Жигунов — полноватый, с ранними залысынами весельчак, — заметив распахнутые окна, тихо матюкнулся. Открытого огня не видно, но это ничего не значит. Вокруг суетились люди, консьержки выводили жильцов. Ревела сирена пожарной сигнализации.

— Нет, ты посмотри, Темыч! — Жигунов, надевая на спину баллон со сжатым воздухом, кивнул в сторону па-

рочки подростков, что снимали нас на камеру телефона. — Устроили тут, понимаешь, реалити-шоу. А ну брысь!..

Темыч — это я. Артем Федоров. Тридцать три года. Возраст Христа. Не был. Не состоял. Не привлекался. Зато служил в армии, воевал в горячих точках, после демобилизации, помыкавшись по разным работам, пошел в МЧС. Пять лет тушу пожары, но чтобы такой «элитный»...

— Значит, так, парни. — К нам, запыхавшись, подбежал наш начальник, Дмитрий Павлович Мезенцев. Потер ежик седых волос, надел подшлемник и каску. — Возгорание на предпоследнем, одиннадцатом этаже. Все знаете, какой дом будем тушить?

Мы дружно кивнули. Буржуйские хоромы, позолота, квадратный метр по миллиону рублей. И вперемежку с «элиткой» — квартиры «старожилов», забытые разной рухлядью и хламом. А еще деревянные перекрытия полов и чердаков, черные выходы на лестницы «для прислуги». Плюс к этому строительные материалы родом из девяностых.

— Я уже вызвал подмогу из Седьмой части. Первая и вторая тройка — разведка. Третья и четвертая — эвакуируем людей. Остальные готовят стволы и подключают их к гидрантам. Бегом, парни, бегом!

Бойцы из второго расчета, прибывшие чуть раньше нас, уже тянули рукава мимо припаркованных во дворе машин. А там сплошь дорогие иномарки — «поршаки», «мерсы», «лексусы»... Я увидел, как один из пожарных «случайно» локтем свернул боковое зеркало у красного спорткара. Да... Не любят у нас богачей.

Быстрым шагом мы по широким лестницам практически пустого дома поднялись на десятый этаж. Людей не видно, лифты обесточены. Дыма становилось все больше, наверху горела какая-то ядовитая дрянь. Дваж-

ды мы встретили бегущих навстречу людей — мужчину в форме охранника и пожилую женщину. Они сильно кашляли, обоих забрал пожарный из соседней тройки. Наконец дошли до очага возгорания. Горело сразу несколько квартир. И все полыхало будь здоров. А главное — уже занялся подвесной потолок в боковых коридорах. Ладно, работа привычная. Сначала ищем людей. Столько раз было, что человек впадает в ступор. Ему спастись надо, а он сукожился под кроватью, закрыл руками голову и воет. Вот таких мы и разыскивали.

Дошли до очага. Почуял, что даже в БОПе¹ стало прилично припекать. Рядом шел Витька, хрипел под маской. Вдыхать легко — сжатый воздух сам в легкие просится. А выдыхать приходится с усилием. Шипели мы прямо как Дарт Вейдер из «Звездных войн».

Вдалеке начинал рушиться подвесной потолок. Дальше нам ходу пока не было — хотя проверить надо кровь из носу. Вернулись на десятый этаж. Тут уже змеились рукава, парни обдали нас водой. Хо-ро-шо!

Пока я отряхивался, рядом началась какая-то суета, раздался женский крик. Тоненькая блондинка в коротком синем платице, размазывая слезы и косметику, рвалась к нам. Ее держал охранник. Вокруг уже было полно дыма, женщина кашляла.

— Кто пустил?! — грозно зарычал Мезенцев.

— Там мама, спасите маму!

— Где? — Начальник подскочил к девушке и дал ей вдохнуть из маски.

— В сто первой квартире. Она неходячая!

— Ключи. — Мезенцев тряхнул девушку. — Давай ключи!

— Вот они! — Блондинка подала нам ключ-связку с сердечком.

¹ Б О П (боевая одежда пожарного). Штаны, куртка, шлем с подшлемником, специальная обувь и перчатки, а также снаряжение (топоры, краги, ремни, пояса).

Я, матерясь, дернул за рукав Мезенцева:

— Мы побежали!

— Так, работает тройка Федорова, — раздавал Мезенцев указания. — Остальные готовят водную атаку. Шевелитесь!

— Живей, Тема! — Мы с Жигуном тащили на себе два топора, два лома и запасной комплект дыхательного аппарата. Сквозь огонь добежали до входа в сто первую квартиру. Замок от жара перекосило, стали ломом выбивать дверь. Слава богу, она не железная. Дом элитный, под охраной, просто так даже во двор не попадешь. До нас уже добивали струи воды, так что работать можно.

Наконец мы вскрыли дверь и увидели пожилую женщину в халате, что приползла прямо ко входу. Она сильно кашляла. Тут же надели на нее дыхательный аппарат.

— Витя, Андрей, тащите женщину вниз, — махнул я рукой в сторону лестничной клетки. — А я осмотрю квартиру.

Без этого никак. Паникующие жители часто забывают домашних животных. Да и по инструкции положено. Задымление росло, жар прибывал. Наконец большая трехкомнатная квартира осмотрена, и я пошел на выход. Уже выходя в коридор, услышал над головой какой-то громкий треск, по каске и плечам что-то сильно ударило. Упал прямо на пол. В голове гудело, во рту возник привкус крови. Похоже, обвалились антресоли над коридором. Лишь бы не рухнул потолок — тогда конец! Попытался подняться — не получалось. Сверху что-то давило. Вокруг горели обломки. Пожар разгорался. Меня опять что-то сильно ударило, я потерял сознание. И тут же пришел в себя от жгучей боли. Вокруг такое пламя, что термостойкий костюм пожарного начинал прогорать. Под каской тлели волосы, брови... Я что-то кричал от боли, извивался. Наконец пришла спасительная тьма...

Прозвенел третий колокол, и едва его низкий гул рассеялся в воздухе, как за Йеном пришли. Отворилась дверь кельи, пожилой худошавый маг-наставник Эримус негромко позвал его по имени:

— Йен! Просыпайся. Пора...

Последнюю ночь перед ритуалом парень почти не спал. Ворочался с боку на бок, представляя в красках, как будет происходить инициация. Несколько месяцев подготовки уже должны были бы придать ему уверенности в собственных силах, но магия — это такое дело, что с нею нельзя быть уверенным ни в чем. Излишняя самоуверенность — беда многих молодых послушников, и до добра она еще никого не доводила. И Йен ужасно волновался. Сегодня решалась его судьба...

Быстро умывшись и накинув на себя приготовленную для ритуала белоснежную хламиду, подросток вышел из кельи. Остановился перед наставником, отводя неуверенный взгляд в сторону. Тот улыбнулся:

— Волнуешься?

— Немного...

Эримус отечески потрепал его по плечу, оценив сдержанность подопечного.

— Все будет хорошо. Мы все когда-то через это проходили, и ты пройдешь. Идем, нас уже ждут.

Легко наставнику говорить, для него инициация уже в далеком прошлом. А Йену все только предстоит. И пусть его готовили к ритуалу пробуждения силы, многому научили в стенах ордена, но это не отменяло того факта, что любая нарождающаяся магия своенравна и непредсказуема. Особенно магия Огня.

Йен поежился. «Всемогущий Единый, помоги!» — прошептал парень и сотворил знак солнца перед грудью. Солнце — это тоже огонь.

Сейчас наставник вел Йена длинными темными коридорами в главную базилику храма, принадлежащего

Ордену Огня, — одну из четырех главных базилик на острове Всех Святых. Именно здесь стихийные волшебники Риона проходили свое второе рождение. Йен, с трудом переставляя ноги, молился Единому. Сначала прочел по памяти «малое прошение». Потом начал повторять Большой молитвослов. По пути к ним присоединялись другие послушники и подмастерья. Все в торжественных одеяниях, несущие каждый по факелу. Пламя в них билось и металось, словно чувствуя свою роль в предстоящем ритуале.

Когда князь Тиссен узнал о том, что в его младшем сыне пробуждается магия, да еще и магия Огня, он долго не мог поверить в свою удачу. Придворный колдун перепроверил дважды. Ошибки нет. Астрологическая карта Йена была выслана нарочным на Остров. Ее изучил лично магистр Альтус. И он подтвердил: да, Йен может пройти инициацию. Сначала стать подмастерьем, потом мастером, а может быть, и магистром. Маги Огня не рождались в княжеской семье уже три поколения. Они вообще были самым малочисленным отрядом рионских чародеев, зато и самым ценным. Каждый посвященный огненной стихии был буквально на вес золота. А Орден Огня был самым могущественным из всех магических орденов, с ним остерегалась связываться даже святая инквизиция. Надо ли говорить, что и магистр ордена — маг Альтус был одним из самых влиятельных людей Риона. И вот теперь у княжеского сына появилась возможность когда-нибудь, пусть в далеком будущем, занять этот высокий пост. А потому на Йена его семьей возлагались особые надежды. И эта непомерная ответственность давила тяжким грузом на плечи подростка.

Меж тем впереди уже послышалось стройное пение братьев. Сама церемония инициации была весьма торжественно обставлена, и ритуальные гимны были ее неотъемлемой частью. Высокие своды базилики терялись в

предрассветном сумраке, и тусклый свет, проникающий через высокие стрельчатые окна, пока не давал полного представления о величии этого зала. Но алтарная часть была сейчас ярко освещена большим количеством свечей, и присутствующие на ритуале члены ордена имели возможность увидеть всю церемонию во всей ее красоте и величии.

Йена торжественно подвели к красному с прожилками камню, и он без чужой помощи улегся на него, аккуратно расправив складки своего ритуального одеяния. В отличие от многих присутствующих оно у него было пока девственно-чистым. Лишь после завершения инициации ему предстояло сменить эту скромную хламиду на парадное облачение, украшенное вышитыми языками пламени. Отец даже успел прислать бордовую шелковую рясу подмастерья на Остров. Заботился...

Алтарь был теплым и мелко подрагивал от переполнявшей его энергии. Йен глубоко вздохнул и попробовал почувствовать токи силы, проходящие через тело. В районе солнечного сплетения потеплело, кровь живее побежала по жилам. В ушах появились гулкие удары. Все шло как должно. Так, как рассказывал ему наставник.

Йен закинул голову и посмотрел вверх. На втором ярусе базилики, в специальной ложе, сидели двое. Яркорыжего, с острым лицом и черными глазами мужчину он узнал сразу. Магистр Альтус. Тридцать лет, самый молодой глава ордена в истории Риона. Талантливый маг из Фесса, о котором отец всегда тепло отзывался. А ведь фессцев князь Тиссен очень не любил. Сосед Альтуса прятал лицо под капюшоном сутаны. И только разглядев символ белого солнца на широкой груди, Йен понял, что на его инициацию явился сам глава святой инквизиции, мессир Вергелиус. В прошлом великий воин, паладин, уничтоживший лично двух опаснейших личей и гнездо высших вампиров. О его подвигах слагались легенды.

Какая честь! От этого Йен начал еще больше волноваться. По телу прокатилась предательская дрожь, гул в ушах усилился.

Верховный жрец храма Огня Инварис приступил к главной части ритуала, нараспев зачитывая магические тексты из священных книг. Братья по ордену вторили ему, призывая родную для них стихию откликнуться и направить свою силу в неофита, заполнив до краев его внутренний источник и сформировав в его теле магические потоки. Под сводами базилики, там, где колонны вращались в крышу, начал вращаться прозрачный огненный вихрь.

Мессир Вергелиус склонился к уху Альтуса:

— А мальчишка силен... Уже сейчас понятно, что из него выйдет великий маг. Не волнуешься за свое будущее?

— С чего бы это? — Магистр недовольно дернул уголком рта, вызывая перед внутренним взором магическое око. Альтус почувствовал, что что-то идет не так, но не мог понять, что именно. Потоки силы изливались из алтаря в строгом соответствии с заклинанием Инвариса. И хоть вихрь вращался излишне быстро, такое уже случилось и раньше.

— Так ведь князь Тиссен не успокоится, пока его сын не займет твое место.

Альтус поморщился. Вергелиус просто обожал строить козни. И как такой прославленный воин так быстро переродился в законченного интригана? Или у святой инквизиции есть собственная тайная инициация, о которой островные маги ничего не знают?

— Брось! Когда это еще будет... Да и будет ли вообще. Сам знаешь, сколько братьев погибло за последние годы.

Первый инквизитор откинул капюшон и насмешливо посмотрел на магистра, пытающегося сохранить невозмутимый вид. Альтус зло скрипнул зубами. Инквизи-

тор... мерзкая змея, отравляющая своим присутствием любой праздник.

— А князь уже подобрал второе имя своему отпрыску?

— Мессир, имя выберет себе сам молодой маг, и только после инициации. Плохая примета, знаешь ли, торопиться...

Инквизитору знать не нужно, но князь действительно лично подобрал сыну имя, и весьма амбициозное: Юлиус. Так звали одного из первых понтификов Церкви Единого. Того самого, кто основал святую инквизицию и призвал к походу князей на Инферно. Поход кончился катастрофой, объединенная армия была разбита в первой же битве, но, как ни странно, это только укрепило позиции Юлиуса. Спустя два года он вновь объявил Святой Поход, и в этот раз нечисть удалось отбросить за реку Фиен. Во многом это произошло благодаря паладинам, которые научились бороться с личами и костяными драконами. И, конечно, магии. Боевые чародеи тогда первый раз показали свою силу — перед началом сражения провели ритуал поднятия земляных големов, и те просто проломили центр армии Инферно.

Воспоминания магистра прервал резко усилившийся гул, идущий от алтарного камня. Тело подростка вдруг засветилось слепящим белым светом. Магические потоки начали дрожать и искажаться, сливаясь в один огромный жгут, который одним концом пробил крышу базилики, а другим уперся в голову Йена. Сам жгут переливался всеми цветами радуги и пульсировал, как будто перекачивая что-то сверху вниз. Парень выгнулся дугой и закричал от боли.

— Инварис! Прекращай ритуал! — Альтус вскочил на ноги, отбрасывая стул прочь.

— Поздно... — пробормотал Вергелиус.

Через пару ударов сердца стихия вырвалась из-под контроля верховного жреца, и тело мальчика воспламе-

нилось, как вязанка сухого дерева. Его истошный вопль, полный дикой муки, вывел из ступора окружающих магов, и все они бросились к алтарю, пытаясь общими усилиями взять под контроль разбушевавшуюся стихию. Энергетический жгут начал хлестать из стороны в сторону, сразу задев Инвариса. Жрец с погасшей аурой кулем повалился на пол — его смерть была мгновенной.

Магистр Альтус воздел руки, творя мощное защитное заклинание, выстраивая непроницаемый для стихии щит над алтарем и пытаясь отрезать взбесившиеся магические потоки от Йена. Бесполезно. Набравший невероятную силу огненный жгут раз за разом пробивал щит, выстроенный магистром, осыпая братьев ордена снопами искр и вызывая в зале базилики новые крики. Подмастерья и мастера окутались личными энергетическими щитами и стали отступать к выходу. Труссы! Здание храма уже дрожало и с потолка падали камни.

Альтус понял, что пришло время запретных чар. Магистр выхватил из-за пазухи медальон с изображением костяного черепа и резким движением разломил его пополам. В тот же миг из руки мага ударил клубящийся столп первозданной Тьмы. Он с треском слизнул огненный жгут, всосал в себя пламя с горящего Йена, одним дыханием погасил свечи и факелы. В базилике наступила темнота, разбавленная лишь тусклым утренним расветом.

— Ты теперь мой должник. — Альтус почувствовал, как Вергелиус вытаскивает из его ладони осколки медальона. — Демонический артефакт в стенах храма... в присутствии мессира инквизиции...

Тихий, леденящий душу шепот Вергелиуса наводил настоящий ужас. Но магистр знал, что поступил правильно, подарив младшему Тиссену единственный шанс выжить.

Вскоре послушникам и подмастерьям удалось зажечь свечи. Мальчик к этому моменту представлял собой совершенно жуткое зрелище, от которого передернуло даже инквизитора, давно привыкшего к публичным сожжениям ведьм на костре.

На почерневшем теле Йена не осталось живого места, все оно было покрыто волдырями и кровоточащими рубцами. Волосы, брови и ресницы мальчика полностью обгорели, сделав его лицо неузнаваемым. От болевого шока парень сразу же потерял сознание, и сейчас его худое скрюченное тело безжизненной черной мумией лежало на алтарном камне храма. Несколько орденских лекарей хлопотали вокруг него, проводя магическую диагностику тела, но уже первые их выводы были безутешны — Йен умрет. Так же, как умер верховный жрец.

Боль смешивалась в моем сознании со звуками и запахами. Сначала пахло полынью. Потом почему-то ромашкой и шалфеем. Вокруг раздавались гавкающие звуки, словно кто-то говорил с кем-то и даже кричал. Боль, терзающая тело, была невыносимой. Любое движение, любое колебание воздуха бросало меня в пылающий огонь. Эта боль приносила величайшее страдание и одновременно дарила спасение. Потому что иногда она становилась совсем невыносимой и тогда пропадало все: и запахи, и звуки, и тот ад, в котором я пребывал.

Тогда я парил в космосе, повторяя свой путь по огненному столбу. Экстаз! Но так продолжалось недолго. Вновь возвращалась боль, а вместе с ней и неразборчивый гул голосов. Он накатывал шипящим морским прибоем, то пропадая вовсе, становясь далеким неразборчивым шепотом, то вдруг взрываясь грозной морской бурей.

— Больно... Сделайте хоть что-нибудь! — Я влетал в этот шелест свой голос, но, похоже, меня никто не слышал.

Спустя какое-то время боль стала понемногу отступать и я пришел в сознание. Только сознание мое странным образом... двоилось и путалось. Я одновременно был и Артемом Федоровым, и Йеном Тиссенем. Сознание одной личности накладывалось на сознание другой, оттого воспоминания в моей голове, образы и слова сливались в какую-то дикую невообразимую мешанину. Голова моя кружилась, все вокруг плыло.

Меня попытались чем-то напоить, но мой язык словно прирос к гортани, а губы срослись от сухости. Через силу я смог сделать пару глотков, и о-о-о!.. Это было сказочное чувство — мягкая, прохладная, катящаяся ледяным шаром по горлу вода.

Я вздохнул и с трудом открыл глаза. Яркий солнечный свет ударил по зрачкам, и от этого перед глазами закружились разноцветные пятна. Пока я пытался привыкнуть к свету, в ногах раздался шорох. Перевел туда взгляд, пытаюсь сфокусировать зрение... Какой-то бородатый зверообразный мужик пристально смотрел на меня.

— Вы кто? — Я почему-то говорил с ним на незнакомом языке, но это не доставляло мне никакого дискомфорта. Чужие слова были на удивление привычными и родными.

Мужик сочувственно покачал кудлатой головой, но ничего не ответил. Вместо ответа поднес к моим губам грубую глиняную кружку, заставляя меня вновь сделать глоток воды. О, как же я был ему благодарен! Погибающий в жаркой пустыне так не жаждал воды, как я.

Откинувшись назад, присмотрелся к мужику. Моя нянька оказалась горбуном лет сорока—пятидесяти, одетым в зеленый камзол, штаны и сапоги. Засученные по локоть рукава открывали его руки — длинные, мощные, перевитые тугими веревками жил, с широкими ладонями и узловатыми пальцами... Лицо и руки горбуна по-

крывал темный, ввевшийся под кожу загар... Олаф. Точно, этого горбуна зовут Олаф и он мой верный слуга. Осознание этого факта почему-то даже не очень меня удивило.

Перевел взгляд дальше. Мы находились в небольшой комнатушке со сводчатым потолком, где кроме деревянной кровати, на которой я лежал, был грубо сколоченный стол, два табурета и какой-то большой сундук. На стене искусно нарисовано восходящее солнце с пятью разноцветными лучами — белым, синим, зеленым, красным и коричневым... Вот и вся ее скромная обстановка. Если не сказать спартанская. На узком стрельчатом окне со свинцовым переплетом в грубом глиняном горшке незнакомое растение, усыпанное голубыми цветами. Пока я скользил рассеянным взглядом по комнате, все здесь казалось мне незнакомым и непривычным, но стоило сосредоточить взгляд на цветке, как откуда-то из глубин подсознания медленно всплыло его название: эмония... Но даже от этого небольшого усилия картинка поплыла перед глазами. Следующей моей мыслью было: а где же стерильная чистота, капельницы и реанимационные приборы? Где все врачи, наконец?! Я попытался еще раз приподняться и сфокусировать взгляд, но это усилие уже окончательно подорвало мои силы, и я со стоном вновь впал в забытье.

Князь Альбрехт Тиссен сидел за столом своего кабинета, вновь и вновь перечитывая послание, доставленное почтовым голубем. Маленький клочок бумаги всего с тремя короткими строчками: «Ваш сын не прошел инициацию. Сильно обгорел, находится при смерти. Пытаемся спасти. Альтус». Наконец князь оторвал глаза от послания и медленно поднес его к горящей свече, разгоняющей предрассветный сумрак кабинета. Тонкая бумага моментально занялась, превращаясь в маленький фа-

кел. Огонь быстро добрался до пальцев князя, но тот не торопился отпускать обгоревший клочок. Казалось, он даже не замечал, что пламя жадно лижет его пальцы, лишь по застывшему лицу князя волной прошла судорога. И только когда по кабинету поплыл запах горелой кожи — он с глухим стоном бросил пепел в каменную чашу, что стояла рядом с рабочим столом.

— Ой! — От двери раздался звон разбитого стекла и испуганный женский вскрик.

Миловидная пухленькая служанка, увидев обгорелые пальцы хозяина, выронила из рук поднос, на котором стоял кувшин вина и бокал. Осколки стекла разлетелись по всему кабинету, и в помещении запахло пряной «Фесской лозой».

— Господин! — Служанка неуклюже повалилась на колени. — Не гневайтесь ради Единого! Я сейчас же все уберу.

Тиссен встал из-за стола и сделал несколько шагов к служанке, стоящей на коленях. Не спеша обошел лужу вина, растекшуюся по полу, и взял служанку за подбородок, заставляя девушку посмотреть ему в глаза. От страха ее начала бить крупная дрожь. Этот крупный, рано поседевший мужчина с жуткими, словно застывшими глазами вызывал у нее ужас с самого первого дня, как она устроилась работать в замок. И не у нее одной. Слуги здесь вообще старались лишний раз не попадаться на глаза своему господину.

— Рина, Рина... — Князь наконец отпустил ее лицо и брезгливо махнул рукой, разрешая ей подняться и заняться уборкой. — Как долго ты работаешь в моем замке?

— Три года, мой господин...

Девушка опустила голову, пытаясь скрыть страх в своих глазах, и, ползая на коленях, продолжала быстро собирать осколки стекла на поднос. Она раньше даже и не догадывалась, что господин знает ее имя, и это откры-

тие Рину пугало. Князь задумчиво рассматривал служанку, не спуская с нее своих страшных, чуть навывкате глаз.

— Да ты непрадна?! — с вялым удивлением заметил он.

— Уже четыре месяца как... ваша светлость.

— И кто же отец?

Служанка замерла на секунду, как испуганная мышь, и вновь продолжила работу, спеша поскорее убрать следы своей провинности и сбежать отсюда.

— Конюх вашей светлости, Григ.

— Григ Большой Дуб? — покачал князь головой. — И когда только успели? Вы же не женаты!

— Мы подавали прошение в канцелярию вашей светлости. — Щеки Рины покраснели. — Но ответа пока не было...

Князь никак не отреагировал на ее слова, как будто и не слышал их... Погрузившись в свои мысли, он медленно подошел к двери, ведущей на балкон, и распахнул ее, впуская свежий воздух в кабинет. Северный ветер ворвался и закрутился небольшим вихрем у ног князя, повинувшись едва заметному движению руки. Потом послушно лизнул волдыри на обожженных пальцах мага, и те прямо на глазах начали затягиваться молодой розовой кожей. Невидящим, остановившимся взглядом князь смотрел на пейзаж, расстилающийся у его ног.

— Подойди сюда.

Равнодушный и какой-то безжизненный голос князя заставил служанку испуганно вздрогнуть и попятиться к двери, но послушаться господина она не посмела. Рина подошла, робко перешагнула порог балкона и с ужасом посмотрела вниз. Сотни локтей высоты. По замку ходили слухи, что в первый день полнолуния Тиссен обретал такую силу, что мог взлетать и парить на крыльях ветра. Именно поэтому у балкона не было ограждения.

— Ближе...

Прошептав губами молитву Единому, Рина отчаянно сделала еще пару шагов и приблизилась к князю.

— Посмотри вниз, — махнул князь рукой. — Что ты видишь?

От неприступных мрачных стен замка в разные стороны простирались улицы и площади столицы княжества. Сначала шли богатые аристократические кварталы с особняками, больше похожими на небольшие, хорошо укрепленные крепости, потом торговые кварталы, отмеченные несколькими крупными рыночными площадями. И лишь затем, за границами старой крепостной стены, местами уже разрушенной и даже снесенной, ютились кварталы ремесленников и трущобы городской бедноты. Там жила семья самой Рины. Границей городу теперь служила мощная, хорошо укрепленная стена новой цитадели, с несколькими сторожевыми башнями и воротами, от которых разбегались дороги в разные концы Западного Эскела. Эти высокие укрепления отделяли столицу от ее сельского пригорода, утопающего в зелени садов и полей. Совсем вдалеке виднелась синяя полоска Закатного моря.

— Видишь, Рина, как мои предки потрудились над тем, чтобы наше княжество процветало? Они отдавали все силы, не щадили своей жизни и жизнью своих детей, чтобы ты и подобные тебе могли жить под защитой неприступных стен. Но разве вы, неблагодарные, способны оценить это?

Неожиданно князь схватил испуганную девушку за волосы и силой заставил ее шагнуть к краю. Ветер взвыл в шпилях замка.

— Смотри, разве кто-то там внизу станет плакать о том, что у меня больше нет сына? Разве кому-то там есть до этого дело? Нет. Все хотят хорошо жрать, сношаться, и никто не хочет думать, какую цену мы платим за это...

Рина от ужаса начала тихонько подвывать, но князь не обращал на это никакого внимания. Холодный взгляд его был прикован к далекой линии, где небо сливалось с морем.

— Раньше, когда Империя защищала нас, — продолжал распаляться Тиссен, — мы могли себе позволить быть разнеженными и толстыми. Но теперь... Инферно захватывает наши земли, угоняет в рабство людей Эске-ла. Черные земли наступают. Вокруг предатели. Они только и ждут случая продаться адским отродьям.

Князь как куклу встряхнул служанку, та закричала от страха.

— Мой бедный Йен! Он бы мог нас защитить. А твой жалкий нищий выродок сможет?! Но он будет жить, а моего бесценного сына уже никогда не вернуть...

Тиссен запрокинул голову и посмотрел в серое небо. Над цитаделью неслись грозовые облака, ветер завывал все сильнее.

— Господин, я прошу вас... — Девушка схватилась за живот и умоляюще посмотрела на князя. — Ради Единого!

— И во имя его! — закончил за служанку ритуальную фразу князь, сталкивая ее с балкона. Раздался вопль ужаса, и тело девушки полетело вниз, кувыркаясь в воздухе. Порыв ветра надул юбку Рины, падение чуть замедлилось, но, повинувшись новому движению руки Тиссена, ветер ударил ее сверху, буквально впечатывая тело в камни мостовой. Мелкие фигуры людей, испуганно оглядываясь вверх, брызнули во все стороны.

Две луны на небосводе. Маленькая голубая и большая белая. Тира и Лея. Я лежу на кровати и рассматриваю это чудо. Свет двух лун, соединяясь, делает ночь ярче и загадочнее. Бело-голубые тени причудливо ложатся на стену, на которой нарисовано солнце. Я уже знаю, что это

символ Единого бога. Местные носят его на одежде. А еще я знаю, что нахожусь в другом мире. Он называется Рион. А меня зовут Йеном — я младший сын князя Тиссена.

Но кто я на самом деле? Боль отступила, сумбур в голове немного унялся, все больше я ощущал себя Артемом Федоровым. Воспоминания о пожаре, беспокойство за товарищей — привычный поток сознания... Йен никуда не делся, но с каждым днем он становится все слабее и прозрачнее. Его личность, жизненный опыт вплелись в меня самым замысловатым образом. Например, я теперь знал, как создать большую сферу огня и ключ-закливание к ней. Но не смог вспомнить, что это вообще такое. Я чувствовал разлитую в воздухе магию, видел разноцветные энергетические линии и сгустки, клубящиеся в воздухе, но не мог к ним прикоснуться. Моя рука подростка просто проходила сквозь эти загадочные субстанции. Я мог что-то вспомнить из истории жизни Йена, но не специально, скорее случайно. Оставалось пялиться в потолок, терпеть боль и разглядывать по ночам бело-голубые спутники Риона.

Меня лечили. Прошлым утром в келью приходил очень необычный человек. В красном балахоне, худощавый и сутулый. С обязательным солнцем на рукавах. Длинные седые волосы гладко зачесаны назад и собраны в хвост, который скреплен заколкой с каким-то большим камнем, издали похожим на рубин. В руках небольшой жезл. Явно магический. Седой произнес несколько быстрых слов, и жезл начал излучать теплый оранжевый свет. Он попадал на мою кожу, и я видел, как потихоньку разглаживаются и сходят рубцы от ожогов, опадают струппя. От этого света по телу прокатывали волны приятной дрожи.

— Йен, ты меня слышишь? — Мой врач взял табурет и сел у постели.

Я кивнул. пытался что-то прохрипеть, но связки тоже обожжены. Накатывал новый приступ боли, которую я стоически терпел.

— Олаф, скотина, где ты там шляешься?! — громко крикнул седой в сторону двери.

В келью вошел горбун, низко поклонился седому.

— Лекарства, что я оставил, давал?

— Да, ваша милость. — Олаф мял в руках серую накидку, на которой была вышита какая-то птица с хищным клювом. Стоило мне остановиться на ней взгляд, как память Йена проснулась и подсказала, что это каргач — птица с герба Тиссенов. Местный аналог ястреба или коршуна.

— Послушай меня, Йен. — Маг осторожно положил руку мне на плечо. Я поморщился, но стерпел. — Ритуал прошел не так, как мы ожидали. Стихия Огня вышла из-под контроля и выжгла твой источник силы.

Старик тяжело вздохнул и отвел взгляд в сторону.

— Ты теперь пустышка. Человек без дара. Понимаешь?

Я еще раз кивнул. Пустышка так пустышка. У меня тут посерьезнее проблемы. Возродился в чужом теле, обгоревший, весь в струпьях. От боли чуть не сошел с ума. Это странно, но случившееся переселение душ меня совершенно не трогало. Как будто я на наркотиках и скоро все эти галлюцинации пройдут.

— Мы думали, ты умрешь... — Седой маг щелчком погасил жезл, встал, подошел к окну. — После таких магических ожогов даже большое исцеление магистра на тебя не подействовало. Он, кстати, уже написал твоему отцу о случившемся...

Олаф вздрогнул. Я удивленно взглянул на сморщившееся лицо горбуна. Отец... Какие-то образы мелькали перед глазами. Крупный мускулистый мужчина с резкими чертами лица. Пучеглазый. И это князь Тиссен?

— Я пойду. — Маг набросил поверх хламиды серую накидку. — Завтра зайду снова.

За седым закрылась дверь, Олаф налил в кружку какого-то варева. Дал мне выпить.

— Придет он... Чуть побыл и уже убежал, — ворчал горбун, бережно вытирая мой рот сухой тряпкой. Вареву придало мне сил, и я вспомнил имя старика: Эримус. Маг Огня. Наставник Йена. Значит, теперь и мой тоже.

Эта попытка отняла у меня последние силы, и я провалился в сон.

Просыпаюсь ночью — и опять вижу две луны. Какие же тут должны быть приливы при таких спутниках?

Боль есть, но она сейчас умеренная, пульсирующая. Рядом на полу храпит Олаф. Я стараюсь лежать тихо, не двигаясь. Стоит пошевелиться — и слуга тут же проснется. У него очень чуткий слух. А ему еще весь день за мной ухаживать. Я копаюсь в памяти и понимаю, что сейчас знаю об Олафе больше, чем о ком-либо другом.

Горбун родился в Восточном Эскеле, в семье обедневших дворян. Выполнял тайные задания князя, потом что-то случилось и он сбежал к соседям-западникам. Альбрехт Тиссен взял его на службу. После страшного ранения, полученного в сражении с костяными гончими — м-да, а жизнь тут веселая идет, — сильный и крепкий воин в одночасье превратился в немощного калеку. Сломанную спину мага-лекари вылечили. Но не до конца. Покалеченного воина оставили в замке и даже дали работу — приставили к малолетнему княжичу нянькой, приказав обучить мальчика воинскому ремеслу. С тех пор Олаф неразлучен с Йеном. Научил фехтованию и стрельбе из лука, правильно держаться в седле. Семь лет учебы и упорных тренировок. И когда семья узнала, что у Йена просыпается дар, на остров Всех Святых в Орден Огня с ним отправили именно Олафа.

Мои мысли перескакивают на семью Йена. Пока все в тумане. Князя Тиссена я помню. А кто моя, то есть Йена, мать? Лишь расплывчатый образ, как на картине — невысокая женщина в зеленом охотничьем костюме. Стоит, положив руку на локоть отца. Старший княжич Ульрих, брат Йена. Мой брат. Высокий лоб, упрямый мощный подбородок... Можно даже было бы назвать его красивым, если бы не холодное, надменное выражение лица. Старший брат весь в отца — спеси и жестокости в наследнике князя на двоих хватит, а то и на пятерых. Впрочем, жестокость и спесь — это фамильная черта всех членов княжеского рода. И не только законных. Уж сколько Йен натерпелся от княжеских бастардов, живущих под одной крышей с законными наследниками. Наглые, постоянно грызущиеся между собой как свора злобных собак, старающихся завоевать расположение своего хозяина. Да только одного не понимают глупые щенки — князь их держит в замке не по доброте душевной, этого слова он и не знает вовсе, а для того, чтобы они все были у него на глазах.

Мои раскопки памяти Йена прерывает какая-то мелькнувшая за окном неясная тень, на миг закрывшая от меня свет двух лун. А через мгновение в распахнутое окно заглядывает чье-то лицо, скрытое темным капюшоном. За спиной незнакомца торчит рукоять меча, и лишь его глаза блестят во тьме. Я тихонько пинаю ногой Олафа. Надо отдать должное воину: горбун тут же просыпается, тихо сжимает мою ногу, но не перестает громко храпеть. Потом я вижу, как через подоконник рывком на перекате заскакивает незнакомец. Причем умудряется сделать это практически бесшумно. И так же бесшумно рвет из ножен свой меч, края которого алеют в темноте кроваво-красным. Его замах прерывается ловким ударом Олафа, который одной рукой снизу всаживает ему в пах кривой нож, а другой отталкивает прочь.

— Тревога! — сиреной ревет горбун, закрывая меня собой.

Убийца, завизжав, роняет меч на пол, хватается обеими руками за рукоять ножа и с силой вырывает его из себя! Разворачивается и пытается рыбкой сигануть обратно в окно. Движения его настолько быстры, что выглядят смазанными, просто какая-то нечеловеческая скорость! И прыжок отличный. Но горбун и тут не подводит. Бросается вперед, успевая схватить человека за ноги. Они оба валятся на пол и начинают бороться. Вот тут в свете двух лун я и вижу, что напавший на нас вовсе не человек. Во время борьбы черный капюшон слетает с его головы, и под ним обнаруживается мертвенно-бледное лицо с оскаленным ртом и торчащими из него длинными клыками, которыми это жуткое существо тянется к шее горбуна. И главное, на нем нет крови! Хотя после такой раны она точно должна быть.

Олаф, рыча от натуги, держит убийцу за шею, но силы явно неравны. Несмотря на рану, напавший очень и очень силен. Кажется, что эта рана в паху даже не беспокоит его, а вот Олаф уже начинает сдавать.

Я сваливаюсь кулем с кровати и, чуть не плача от скрутившей меня боли, ползу к валяющемуся на полу светящемуся мечу убийцы. Хватаю рукой изогнутый клинок, которым можно одновременно и рубить и колоть. Ладонь пронзает острая боль, и она становится липкой от крови, сочащейся из лопнувших волдырей. Воя от боли, привстаю на колено и со всей силы втыкаю клинок в спину твари. Очень вовремя! Убийца уже прижал руки Олафа к полу и был готов порвать клыками его горло.

Меч легко протыкает спину убийцы и ярко вспыхивает. Проткнутая мечом тварь визжит в ультразвуковом диапазоне, пытаюсь вскочить. Рукоять клинка, скользкая от крови, вырывается из моей руки, и меня отбрасывает

в сторону. Мое тело просто горит от нестерпимой боли, но еще сильнее полыхает посреди комнаты убийца. Олаф хватает меня в охапку и тащит к двери, в которую уже врываются маги со светящимися в темноте жезлами и вооруженные мечами люди с факелами. Первый же маг бьет в убийцу искрящимся разрядом молнии, и того просто впечатывает в стену.

— Вампир! — орет горбун, опять загораживая меня собой.

Еще один магический удар — и пылающее тело вампира исчезает в ночи, вынеся собой кусок стены вместе с оконным проемом. Ночь во дворе тут же превращается в день — вокруг дома зажигается сразу несколько светящихся сфер. А у меня в глазах темнеет от боли, и я просто повисаю на руках Олафа.

— Скорее! — Я еще слышу, как кричит магам горбун, укладывая меня на кровать. — Да помогите же княжичу!

ГЛАВА 2

Ох как больно, а обидно-то как! Марта всхлипнула и опять потеряла то мягкое место, по которому еще недавно гуляли розги, умело направляемые отцовской рукой. Крепкая рука у батюшки, ничего не скажешь. Но сильнее боли была обида на него. За такой пустяк и так больно отхлестать родную дочь, а ведь она почти взрослая! Скоро пятнадцать зим — сваты начнут ходить. Подумаешь, плохо закрыла за собой дверцу птичника. Ну бежали три дурные курицы, так ведь их вовремя поймали. Чего же так сильно пороть, неужели совсем ее не жалко?!

Марта обиженно шмыгнула носом и поудобнее прилестилась на рыхлом снопе пшеницы. Овин у батюшки был добротным, высоким, с крытой дранкой крышей.

Девушка давно устроила себе здесь тайное убежище, куда ловко взбиралась по хлипкой приставной лестнице под самую крышу. Хоть их овин и стоял на отшибе за огородом, но из его маленького оконца отлично просматривалась вся деревня. И сейчас Марта, обиженно сопя, наблюдала, как старшие братья возвращаются с сенокоса. Им-то хорошо, их уже давно розгами не секут, а вот ей еще достается время от времени. Ну ничего: еще год от силы — и выдаст ее батюшка за какого-нибудь хорошего парня, а там и власть его над ней закончится. Будет Марта сама себе хозяйка в доме мужа, а уж ему-то она обижать себя не даст.

Вскоре злые слезы высохли на лице Марты, да и саднящая боль слегка поутихла. На улице уже начало вечереть... Скоро матушка на стол будет накрывать к ужину, а значит, пора домой возвращаться, помогать. Отец у них хоть и дюже гневливый, зато и отходчивый — зла долго на провинившихся никогда не держит. Глядишь, и в этот раз Марте повезет. Она уже приготовилась спускаться вниз, как ее внимание привлек шум в самом конце деревни. Крестьяне, возвращавшиеся с поля, в страхе разбегались по дворам, крича что-то на ходу соседям и подхватывая на руки детей, игравших посреди дороги. А уже через минуту по центральной улице деревни промчалась группа из шести всадников, от одного вида которых кровь застыла в жилах Марты.

На мощных черных лошадях восседали высокие, худые, одетые в темные доспехи люди. Резко осадив лошадей, они остановились рядом с небольшим деревенским храмом Единого, и тогда Марта смогла рассмотреть их получше. Бескровные бледные лица с тонкими губами резко выделялись на фоне черных панцирей и сферических шлемов. И даже на расстоянии веяло от них какой-то жутью.

— Темные Лорды... — прошептала в отчаянии Марта.

Но еще страшнее Лордов была огромная свора псов, окружавших их.

Тошие, поджарые — сквозь их кожу с редкой шерстью выпирали ребра и хребты, словно на костях совсем не было мяса. На оскаленных мордах собак потусторонним светом ярко алели глаза, особенно заметные в наступающих сумерках. От жуткой головы с костяным наростом по выступающему хребту и до самого кончика хвоста тускло мерцала зеленоватая полоса. Об этих чудовищах, порожденных Тьмой и обитающих в Инферно, даже взрослые всегда рассказывали шепотом. После встречи с костяными гончими выживших почти никогда не оставалось, с этими жуткими монстрами темных могли справиться разве что маги или очень опытные воины.

Один из пришельцев небрежно взмахнул рукой, и свора, повинувшись его безмолвному приказу, молча сорвалась с места, растекаясь по деревне светящимся в сумерках потоком. И начался крошечный ад... Для костяных псов не было преград, они врывались в дома и сараи, проникая через выбитые окна и двери, выгоняли людей на улицу. Как пастушьи собаки собирают в отары овец, так костяные гончие дружно гнали жителей деревни по улицам к храму. Тех, кто отставал и спотыкался, они, подгоняя, кусали за ноги. Тем, кто падал и не мог сразу подняться, они просто перегрызали шею или вырывали горло. А тех, кто пытался от них отбиваться, разрывали на куски.

С ужасом смотрела Марта, как две гончих заскочили в их двор, играючи пробив тесовые ворота. На крыльцо выбежал отец в бригантине легионера с мечом и щитом. Осмотрелся. Позади него встали братья с копьями. Прозвучал боевой клич легионеров «Фесс!», и даже в овине Марта почувствовала мощь этого крика. Первого же бросившегося пса отец ударил щитом навстречу и располосовал клинком. Исчадь завизжало и отскочило прочь,

ошарашенно мотая мордой. На землю закапала светящаяся зеленая кровь. Марта торжествующе засмеялась. Меч отца был зачарован полковыми магами Фесса, и тварям Инферно пришлось почувствовать силу отставного легионера на своей шкуре. Два других пса кинулись вдоль дома. Но ставни окон уже были надежно закрыты изнутри, и ворваться внутрь у гончих не получилось. Отец с братьями отступили в дом, закрыв за собой крепкую дубовую дверь. Попробуй теперь их возьми! Даже если псы и разобьют дверь, то в сенях не развернешься — нападать можно только по одному. А там, глядишь, из замка барона и помощь подойдет. Марта сотворила у груди знак Единого. Покрутившись по двору, гончие выскочили на улицу и бросились за помощью к своим хозяевам. А те уже и сами спешили псам на подмогу. Первый же всадник, заскочивший во двор, взмахнул рукой с жезлом, и в дом полетел звенящий сгусток Тьмы. Крыльцо с сенями просто осыпались прахом при соприкосновении с этими чарами, открывая гончим проход в дом. Марта вскрикнула от ужаса. И тут же заткнула себе рот рукой. А псы тем временем уже целой сворой ворвались в дом, и оттуда раздался их торжествующий вой вперемежку с бранью отца, криками братьев и испуганным визгом младшей сестренки. Девушка закрыла уши ладонями, не в силах слушать звуки, доносящиеся из дома, где убивали ее родных, и в отчаянии зажмурилась, мечтающая стать невидимой или оказаться далеко отсюда.

Вскоре в доме все стихло... Марта открыла глаза и увидела, как наружу одна за другой выбрались костяные гончие с оскаленными окровавленными мордами и, повинувшись жесту всадника, помчались дальше по улице. Одна из гончих вдруг внимательно принялась и неуверенно направилась в сторону овина. Сердце Марты ушло в пятки. Чтобы не завывать от накатившего страха, она прикусила зубами ладонь и замерла, затаив дыхание.

Гончая остановилась, наострив уши, опять принялась, задрав вверх свою жуткую морду, перепачканную кровью, а потом, разочарованно фыркнув, потрусила назад к своим товаркам. От нехватки воздуха у Марты потемнело в глазах, и она несколько раз судорожно вздохнула, приходя в себя. Умом девушка понимала, что никто из ее родных не выжил в схватке со сворой гончих, но глупое сердце отказывалось в это верить. Оно еще надеялось, что хоть кто-то уцелел. Ну кто-то же из них должен был остаться в живых, пусть и раненым?!

Выждав некоторое время и убедившись, что улица опустела, Марта на подгибающихся ногах осторожно спустилась по шаткой лесенке, стараясь не издавать громких звуков. Огляделась и крадучись направилась через огород к дому. Ей уже удалось подобраться к черному проему, ведущему в дом, и даже заглянуть через порог в темноту горницы, когда в спину что-то толкнуло, и она, придушенно пискнув, обернулась. За ее спиной стояла костяная гончая, скалясь жуткой пастью с острыми длинными клыками и уставившись на девушку светящимися в полумраке глазами. Девушка дернулась, но грозное рычание пса стало ей красноречивым предупреждением. И Марте не оставалось ничего делать, как покорно отойти от дома и под присмотром гончей отправиться к храму, куда уже согнали всех выживших жителей деревни.

Перед храмом темные всадники, изредка переговариваясь между собой, равнодушно взирали на толпу перепуганных мужчин, плачущих женщин и детей. Трое из них, повинуясь приказу старшего, спешили и широко распахнули двери. Отобрав четверых крепких мужчин, они велели им вытащить из храма алтарный камень и бросить его посреди улицы. Один сразу же начал чертить большую пентаграмму вокруг поверженного в пыль алтаря, а двое других загонять людей в пустое здание, запрещ

за ними его двери на железный засов. Снаружи под охраной гончих остались только шесть крепких молодых парней и девушек. Нарисованную на пыльной земле пентаграмму заключили в идеально ровный круг, после чего в углы ее лучей воткнули горящие факелы, а контуры самого рисунка присыпали черным порошком, напоминающим по виду вулканический пепел.

В это время гончая, поймавшая Марту, радостно завывала, призывая хозяина оценить свою находку.

— Ну что тут у тебя?.. О, какая милая птичка...

Подъехавший темный — пожилой толстый мужчина с серой обвисшей кожей — нагнулся, схватил Марту за подбородок и поднял ее опущенное к земле лицо. С интересом посмотрел в испуганные заплаканные глаза, перевел оценивающий взгляд на искусанные припухшие губы, длинную шею и высокую девичью грудь. Ухмыльнулся, похабно облизнувшись.

— Весьма смазливая! Голубые глаза, коса в руку... Эй, не хотите развлечься?

Марта вскрикнула, дернулась, но темный держал ее крепко.

К нему подъехала пара всадников.

— Тарс, эта девчонка — Спящая. — К Марте наклонился худой, с запавшими глазами мужчина. — Полгода-год — и в ней проснется сила.

— Ну, пока не проснулась — давайте позабавимся? Как в старые времена, а, Валдис?

— Тарс, если ты ее хоть пальцем тронешь, — усмехнулся Валдис, — Владыка сам с тобой развлечется.

По лицу толстяка пробежала судорога. Валдис же задумчиво провел рукой в перчатке по щеке девушки, по шее.

— И не скажешь, что простая деревенская девка: светловолосая, с правильными чертами лица...